

АСЕАН КАК «НОРМАТИВНАЯ СИЛА»: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ДИСКУССИИ

Ксения Александровна Ефремова

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 18 октября 2018</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 19 октября 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 1 декабря 2019</p>	<p>Аннотация: Понятие «нормативной силы», авторство которого принадлежит Иану Мэннерсу, принято применять по отношению к Европейскому Союзу (ЕС). Оно описывает способность международного актора внедрять свои нормы и ценности в глобальный политический дискурс, распространять их среди других стран, формируя таким образом общепринятое понимание того, что является «нормой» в международных отношениях. Однако нельзя утверждать, что это понятие относится исключительно к ЕС. Автор данной статьи полагает, что Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) также является региональной группировкой, которая стремится распространить свои аутентичные нормы и ценности по всему миру, претендуя, таким образом, на то, чтобы считаться нарождающейся «нормативной силой». АСЕАН пропагандирует так называемые «азиатские ценности» (коллективизм, государственный патернализм, культурный релятивизм, невмешательство во внутренние дела друг друга и т.д.), добиваясь их принятия другими странами посредством межрегиональных договорённостей со своими внерегиональными партнёрами и другими международными организациями, а также через многосторонние форумы, где она играет центральную роль. Однако концепция «азиатских ценностей» нередко вызывает заслуженную критику, что ставит под вопрос саму возможность трансформации АСЕАН в «нормативную силу».</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения; научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: АСЕАН; азиатские ценности; нормативная сила; права человека</p>	

Попытки переноса западных по своему происхождению концепций на азиатскую интеллектуальную почву предпринимались неоднократно, однако обоснованность этих попыток зачастую вызывает дискуссии. В частности, это касается такого специфически европейского феномена как «нормативная сила», введённого в научный оборот датским исследователем Ианом Мэннерсом (*Ian J. Manners*) в начале 2000-х годов¹. Как правило, авторы, разрабатывающие эту тему, исходят из того, что Европейский Союз (ЕС) является единственной «нормативной силой» в современной мировой политике; тем не менее, встречается и противополож-

ная точка зрения, согласно которой допускается появление других «нормативных сил», основанных на альтернативных нормах и ценностях. Такую точку зрения, например, высказывает китайская исследовательница Хэ Цзяцзе, утверждающая на страницах влиятельного британского журнала «Интернешнл Стадиз Ревью»², что концепция «нормативной силы» может использоваться не только применительно к Европейскому

¹ Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

² Ежеквартальный рецензируемый журнал «Интернешнл Стадиз Ревью» (*International Studies Review*) издаётся британской Ассоциацией международных исследований с 1957 года и входит в первый квартиль международной библиографической базы данных «Скопус» (*Scopus*) по направлению «Политическая наука и международные отношения».

Союзу, но и применительно к Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В данной статье мы постараемся показать, насколько понятие «нормативной силы» соответствует юговосточноазиатскому политическому дискурсу и как оно трансформируется под воздействием местной политической культуры.

Начнём с определения «нормативной силы» в трактовке, предложенной самим автором данного понятия – Ианом Мэннерсом. Согласно Мэннерсу, «нормативная сила» – это «сила идей и норм», противопоставленная традиционной военной мощи; иными словами, это *не сила принуждения, а сила убеждения*. «Нормативная сила» проявляется в способности государств и их объединений формировать международную повестку дня, распространяя выработанные ими ценности и основанные на них дипломатические практики по всему миру. Мэннерс выделяет три составляющих «нормативной силы», а именно: (1) принципы; (2) действия; и (3) результат.

Принципы, по Мэннерсу, должны быть, с одной стороны, *убедительными* (что апеллирует к рациональной составляющей процесса принятия решений), а, с другой стороны, *привлекательными* (что подключает иррациональную составляющую механизма осуществления выбора). Иными словами, принципы должны восприниматься в качестве легитимных требований, которые продвигаются последовательно и непротиворечиво. Только тогда они будут положительно восприняты мировым сообществом и найдут новых приверженцев, готовых добровольно следовать им. Легитимность принципов задаётся их соответствием международным конвенциям, договорам, соглашениям, резолюциям ООН и другим международно-правовым документам. Как сами принципы, так и инструменты их имплементации (т.е. соответствующие международные практики) должны быть обоснованными и недвусмысленными. Кроме того, эти принципы и инструменты должны применяться неизбежно, чтобы не возникало порочной практики «двойных стандартов».

Действия по продвижению этих принципов, как полагает Мэннерс, должны вклю-

чать убеждение, а также соответствующее положительное и отрицательное подкрепление (поощрение или порицание, включая публичное осуждение и символические санкции). Убеждение подразумевает использование конструктивного вовлечения, институционализацию отношений и стимулирование многостороннего диалога между самими носителями ценностей и их партнёрами, ведущее к распространению определённых норм и принципов. Результатом их распространения являются социализация, партнёрство и усвоение партнёрами соответствующих принципов. При этом социализация предполагает вовлечение контрагентов в дискуссии, в ходе которых рождается общее понимание, ведущее к установлению долгосрочного партнёрства, а партнёрство, в свою очередь, ведёт к институционализации отношений на основе соответствующих принципов, ценностей и норм. Иными словами, «нормативная сила» базируется на совокупности принципов, легитимность которых не вызывает сомнений у мирового сообщества, которые целенаправленно распространяются посредством институционализированных практик (например, через международные организации, региональные форумы и другие многосторонние объединения). Результатом деятельности по их распространению является увеличение числа их приверженцев по всему миру³.

Очевидно, что ЕС (на примере которого и была выработана концепция «нормативной силы») априори является источником общезначимых принципов и норм; но можно ли утверждать то же самое применительно к АСЕАН? Существуют исследования, подтверждающие такую точку зрения. В частности, уже упоминавшаяся выше Хэ Цзяцзе полагает, что АСЕАН следует рассматривать в качестве альтернативной «нормативной силы», продвигающей свой собственный набор принципов и норм, заметно отличающийся от того, что стоит на повестке дня Евросоюза. Как отмечает китайская исследовательница,

³ Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009. Pp. 2-3.

«нормативная сила ЕС рассматривается как инструмент “европеизации за пределами ЕС”, ... и она стремится оказывать влияние на внутреннюю политику своих контрагентов, чтобы изменить их по своему образу и подобию. В отличие от неё, нормативная сила АСЕАН описывается как процесс, в основе которого лежит диалог, в котором подчёркивается значимость обсуждения и переобсуждения»⁴. Таким образом, АСЕАН может рассматриваться как самостоятельная «нормативная сила», не вписывающаяся в рамки европейской традиции.

В этой аргументации есть определённая доля истины. Действительно, складывается впечатление, что на современном этапе АСЕАН имеет все шансы выступить в роли «нормативной силы», которая распространяет своё собственное видение «нормальности» в международных отношениях, основанное на системе аутентичных ценностей и норм. И если для Евросоюза ключевой доминантой являются принципы либеральной демократии, поскольку «демократии не воюют друг с другом», то для АСЕАН, очевидно, на первый план выходят совсем другие принципы, имеющие мало общего с либеральным мировоззрением.

Какие же принципы лежат в основе асеановской идентичности? На наш взгляд, это так называемые «азиатские ценности», жёстко раскритикованные на Западе ещё в конце прошлого века, но всё ещё популярные в Юго-Восточной Азии (что демонстрирует нам триумфальное возвращение во власть патриарха малайзийской политики Махатхира Мохаммада, являющегося убеждённым сторонником «азиатских ценностей») и особого азиатского пути развития). Имплементация этих ценностей осуществляется посредством особых дипломатических практик, получивших название «путь (или «метод») АСЕАН». В их основе лежат присущие всем странам Юго-Восточной Азии традиции поиска компромиссов и консенсуса, исключающие принятие решения путём голосования и подчинения тех, кто остался в меньшинстве, воле большинства. Диалог

⁴ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why They Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, p. 92.

в рамках АСЕАН строится на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга и безусловном уважении национального суверенитета стран-участниц Ассоциации.

В результате деятельности АСЕАН, в Тихоокеанской (и, шире, Индо-Тихоокеанской) Азии сформировалось особое региональное (или даже, корректнее будет сказать, трансрегиональное) сообщество, основанное на принципе «асеаноцентричности». Отношения стран в рамках этого сообщества регулируются на основе принципов, заложенных в «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (1976), принятый на первом саммите государств-членов Ассоциации. АСЕАН приложила немало усилий, чтобы социализировать своих партнёров по диалогу (США, ЕС и др.), убедив их присоединиться к этому договору.

Таким образом, можно констатировать, что АСЕАН как «нормативная сила» отвечает всем трём пунктам (принципы, действия и результат), обозначенным Мэннерсом. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Принципы: «азиатские ценности»

Начнём с основополагающего понятия «азиатские ценности», само существование которых нередко ставится под сомнение западными критиками. Что же такое «азиатские ценности»? Это набор норм, догм и принципов, отличающих азиатское общество от европейского. В основе его лежит *этатизм*, т.е. принцип доминирования государства над обществом, в то время как на Западе ключевым принципом является *либерализм*, т.е. свобода индивида от власти общества и государства. Если сравнивать «азиатские ценности» с «европейскими ценностями», то сразу бросается в глаза их кардинальное несоответствие друг другу в самых элементарных позициях. В странах Юго-Восточной Азии патерналистское государство, сильное и стабильное, рассматривается как главный регулятор внутривластной жизни, который обеспечивает и защищает права своих граждан. На Западе же права человека воспринимаются как изначальная данность, которую требуется защищать от посягательств самого государства.

Юговосточноазиатское общество основано на принципе коллективизма (а не индивидуализма, как западное). Оно иерархично, в нём, в отличие от западного общества, права и обязанности распределены неравномерно: чем более высокую позицию занимает индивид, тем шире круг его полномочий и выше ответственность перед обществом. Государство в ЮВА нередко играет роль «нравственного арбитра», задающего и поддерживающего моральные и этические стандарты поведения своих граждан. Этим объясняется, в частности, более терпимое отношение юго-восточноазиатских обществ к цензуре и иным методам контроля государства над политической жизнью страны. Предполагается, что государственные органы действуют от имени и на благо всего народа, поддерживая общественный порядок (на Западе эта роль отводится саморегулирующемуся гражданскому обществу).

По мнению сингапурского исследователя Хун Чанью, концепция «азиатских ценностей» основывается на четырёх базовых постулатах. Во-первых, права человека не являются универсальными и не могут быть глобализованы, т.е. распространены на весь земной шар. В каждом регионе мира трактовка данного понятия имеет свою специфику. Так, в заключительной декларации Регионального совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека, состоявшегося в 1993 году в Бангкоке, прямо говорится о том, что права человека «должны рассматриваться в контексте динамичного и развивающегося процесса международного нормотворчества с учетом особенности национальных и региональных особенностей и различных исторических, культурных и религиозных традиций», при этом «государства несут главную ответственность за поощрение и защиту прав человека с помощью соответствующей инфраструктуры и механизмов»⁵.

⁵ Заключительная декларация регионально-го совещания для Азии в рамках Всемирной конференции по правам человека (Бангкок, 2 апреля 1993). Опубликована на официальном сайте ООН. Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/CONF.157/PC/59> [Final Declaration of the Regional Meeting for Asia of the World

Во-вторых, азиатские общества сфокусированы не на индивиде, а на семье, причём нация уподобляется большой семье. Соответственно, с точки зрения сторонников концепции «азиатских ценностей», интересы семьи и нации являются приоритетными по отношению к интересам отдельных граждан. В случае возникновения противоречия между свободой индивида и безопасностью общества, оно разрешается в пользу всего коллектива, а не его отдельных членов. В-третьих, социальные и экономические права индивида котируются выше, чем его политические права: «общественный договор» в азиатских странах предполагает обеспечение государством социального и экономического благополучия своих граждан в обмен на их политическую лояльность. Ну и, наконец, в-четвёртых, право наций на самоопределение подразумевает строгое соблюдение международными акторами суверенитета азиатских государств, вмешательство в дела которых неприемлемо ни под каким предлогом, включая их внутреннюю политику в сфере прав человека⁶.

Поучительной в этом смысле является история бывшей мьянманской диссидентки, а ныне государственного советника Мьянмы До Аун Сан Су Чжи, получившей прекрасное оксфордское образование и большую часть своей жизни проведшей в Великобритании. В 1988 году она вернулась на родину, где сразу стала символом продемократического движения: по всему миру организовывались митинги в поддержку Су Чжи, бросившей вызов репрессивному военному режиму; ей присуждались многочисленные премии, включая Нобелевскую премию мира (1991). Но всё изменилось, когда на очередных парламентских выборах Су Чжи пришла к власти и начала проводить самостоятельную внешнюю политику (которая, на удивление, мало чем отличалась от по-

Conference on Human Rights (Bangkok, April 2, 1993). Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G93/125/95/PDF/G9312595.pdf>

⁶ Hoon, Chang Yau. Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2, p. 155.

литики предыдущего правительства, состоявшего из бывших военных). Убедившись, что она не станет послушной прозападной марионеткой, крупнейшие мировые СМИ начали активно демонизировать Су Чжи, разыгрывая национальную карту; её правительству были предъявлены обвинения в «этнических чистках» и «геноциде» непризнанной народности рохинджа⁷, у неё были отобраны ранее присуждённые ей почётные награды и звания. Однако она не изменила своим убеждениям и не стала подстраивать выбранный ею политический курс под требования мирового демократического общества.

Характерно, что страны АСЕАН, несмотря на внутренние разногласия и отдельные резкие заявления некоторых официальных и полуофициальных лиц, в целом встали на сторону Су Чжи, выразив понимание мьянманской позиции по ситуации в Ракхайне⁸. Мьянманский случай, на наш взгляд, исчерпывающе характеризует сущность идеологии, объединяющей страны АСЕАН (частью которой является и концепция «азиатских ценностей»): на национальном уровне проявлять «национальную стойкость», строя сильное государство, способное самостоятельно справиться с внутренними угрозами; на региональном уровне проявлять «региональную стойкость», сплотившись перед лицом внешней угрозы, даже если между самими асеановцами есть внутренние разногласия. Именно она лежит в основе формирования общей региональной идентичности, лучше всего описываемой асеановской формулой «единство в многообразии»⁹.

⁷ Несмотря на неоднократные заявления (в том числе официальных лиц) об «этнических чистках» и «геноциде», имевших место в Мьянме, убедительных доказательств причастности правительства До Аун Сан Су Чжи к какому-либо рода преступлениям против человечности так и не было представлено. Поэтому мы берём эти термины в кавычки, как оценочные суждения.

⁸ ASEAN Chairman's Statement on the Humanitarian Situation in Rakhine State, 24 September 2017. Режим доступа: <http://asean.org/storage/2017/09/1.ASEAN-Chairmans-Statement-on-the-Rakhine.pdf>

⁹ Подробнее см. Ефремова К.А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональ-

В своих попытках обозначить и отстаивать собственную идентичность государства Юго-Восточной Азии отталкиваются от образа коллективного Запада как «другого», преподнося сформулированные ими «азиатские ценности» в качестве идейной противоположности западному либерализму. Очевидно, что концепция «азиатских ценностей», сформулированная интеллигентной элитой АСЕАН, не только не отвечает традиционным для Европы представлениям о взаимоотношениях государства и общества, но и подрывает сами основы западной либеральной идеологии, предлагая альтернативный нормативный проект. Однако насколько он жизнеспособен? До какой степени «азиатские ценности» признаются другими странами? Насколько эффективны способы их продвижения? Для ответа на эти вопросы рассмотрим дипломатические инструменты и методы, с помощью которых АСЕАН распространяет свои ценности и принципы на региональном и макрорегиональном уровне.

Действия: «путь АСЕАН»

Дискуссия об «азиатских ценностях», как правило, концентрируется на проблеме применимости принципов и норм либеральной демократии к азиатским (или, шире, к незападным) обществам. В частности, в её фокусе находится вопрос о том, удалось ли АСЕАН сформулировать некий аутентичный набор ценностей, альтернативных западной либеральной традиции, или же никаких специфически «азиатских» ценностей не существует в принципе, а весь разговор о них – это лишь попытка нелиберальных (и, следовательно, недемократических) юговостоазиатских режимов удержаться у власти на как можно более долгий срок. Иными словами, речь идёт о производстве ценностей и норм. Но для того, чтобы считаться

ной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. с. 39-53. [Ефремова, К.А. Gosudarstva Yugo-Vostochnoy Azii v poiskakh regional'noy identichnosti (Southeast Asian States in Search of Regional Identity) // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2018, No. 4, pp. 39-53.]

«нормативной силой», АСЕАН не достаточно произвести набор специфических норм и ценностей; ей также необходимо применить определённые политические инструменты для того, чтобы распространить свои ценности за пределами собственного региона и обеспечить их признание другими странами и международными организациями¹⁰.

Справедливым, на наш взгляд, представляется утверждение о том, что АСЕАН успешно создала не только соответствующий набор ценностей и норм, но и механизм их имплементации посредством многосторонних институтов регионального и межрегионального сотрудничества, что позволило ей привлечь на свою сторону как развивающиеся страны глобального Юга, так и некоторые великие державы. Более того, эти дипломатические инструменты поддерживают имидж АСЕАН как самостоятельного источника международных норм, противопоставленного Евросоюзу, и способствуют её потенциальному участию в процессах глобального управления.

Истоки этой «альтернативной нормальности» в международных отношениях, которая была подхвачена и отчасти «приватизирована» государствами Юго-Восточной Азии, следует искать в событиях весны 1954 года, когда в результате переговоров китайского премьера Чжоу Эньлая со своими коллегами Джавахарлалом Неру (Индия) и У Ну (Бирма) были сформулированы знаменитые «Пять принципов мирного сосуществования» («Панча шила»), которые легли в основу китайско-индийских и китайско-бирманских отношений. Эти принципы включали следующие пункты: (1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; (2) взаимное ненападение; (3) невмешательство во внутренние дела друг друга; (4) равенство и взаимная выгода; (5) мирное сосуществование¹¹. Сама

идея мирного сосуществования коммунистических и некоммунистических стран, высказанная авторами «Панча шила» на фоне нарастающих советско-американских противоречий, была дипломатическим прорывом для того времени.

Нетрудно проследить влияние «Панча шила» в формулировке базовых принципов взаимодействия между странами АСЕАН, заложенных в «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», который был подписан на первом саммите Ассоциации, состоявшемся на острове Бали (Индонезия) в 1976 году. Эти принципы включали: (1) взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех стран; (2) право каждого государства на существование, свободное от внешнего вмешательства, подрывной деятельности или принуждения; (3) невмешательство во внутренние дела друг друга; (4) урегулирование разногласий и споров мирными средствами; (5) отказ от использования силы или угрозы силой; (6) эффективное сотрудничество друг с другом¹². Они составили ядро уникальной совокупности политических и дипломатических практик, основанных на неформальных консультациях и консенсусном принятии решений, известных под названием «путь АСЕАН» (*the ASEAN Way*).

Принятие решений «путём АСЕАН» предполагает поиски взаимных договорённостей в ходе уважительного и равноправного обсуждения. Если устраивающего все стороны решения найти не удалось, вопрос откладывается до очередного рассмотрения. Здесь нет места классическим европейским переговорным практикам, включающим голосование как инструмент принятия коллективных мер, основанных на воле большинства. Кроме того, в отличие от Евросоюза, который продвигает собственные ценности и принципы достаточно жёстким образом, настаивая на безусловном выполнении странами-партнёрами выдвинутых им требований, АСЕАН стремится социализиро-

¹⁰ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why They Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 94-95.

¹¹ *Panchsheel* (2004), New Delhi: External Publicity Division, Ministry of External Affairs, Government of India, p. 1. URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/191_panchsheel.pdf (Accessed on 11.11.2019).

¹² Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia. Indonesia, 24 February 1976. Mode of access: <http://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976>

вать своё окружение гораздо более мягким способом, основанном на принципах инклюзивности и аккомодации.

Ещё одно различие между АСЕАН и ЕС состоит в их отношении к методам поддержания регионального мира и стабильности. Внешняя политика объединённой Европы опирается на теорию «демократического мира», которая утверждает, что демократии не воюют друг с другом. Чтобы обеспечить себе мирное окружение, Евросоюз активно продвигает демократические ценности, предлагая (а зачастую и навязывая) их близлежащим государствам. Европейская политика соседства, которая была принята в 2003 году и пересмотрена в 2011 году, «основана на ценностях демократии, верховенства закона и уважения прав человека»¹³. Тем интереснее отметить, что, в отличие от ЕС, АСЕАН никогда не настаивала на политической трансформации государств-кандидатов на вступление (как это было в случае с Брунеем, Вьетнамом, Лаосом, Мьянмой и Камбоджей). Однако будущим членам пришлось присоединиться к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии», в котором зафиксированы основные принципы и нормы, провозглашаемые АСЕАН.

Будучи объединением малых и средних стран, АСЕАН не может (и не хочет) использовать инструменты принуждения, применяемые Евросоюзом в отношении ряда государств для того, чтобы изменить их политику в соответствии со своим собственным представлением о «нормальности» в международных отношениях (например, односторонние санкции). Наоборот, АСЕАН принципиально не вмешивается во внутренние дела стран-участниц или государств-партнёров по диалогу, поддерживая культуру взаимного уважения, консультаций и компромиссов. Эта культура международного общения направлена на то, чтобы социализировать другие страны, побуждая их привести свою внешнюю политику в соответствие с принципами, на которых основан «путь АСЕАН» – в частности, присоеди-

ниться к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (1976).

Характерно, что партнёры АСЕАН по диалогу довольно неохотно выполняли это требование: так, Китай и Индия подписали договор в 2003, Россия, Япония и Южная Корея – в 2004, Австралия и Новая Зеландия – в 2005, США – в 2009, Канада – в 2010, а Евросоюз – только в 2012 году. Однако, несмотря на очевидное нежелание принимать асеановские «правила игры», государства-партнёры Ассоциации, тем не менее, были вынуждены согласиться с тем, что созданный АСЕАН региональный порядок, основанный на принципе «асеаноцентричности», выгоден не только странам Юго-Восточной Азии, но и внерегиональным державам.

Результат: «асеаноцентричность»

Различия в политических стратегиях АСЕАН и ЕС объясняются различной природой этих двух международных организаций. Как отмечает Хэ Цзяцзе, они используют разные инструменты для распространения своих норм и обеспечения их признания другими странами. Евросоюз, будучи «коллективной великой державой», выступает в качестве «гегемона, для которого характерно социализировать объекты приложения своей “нормативной силы”, устанавливая определённые условия» (например, соблюдение демократических норм, прав человека и т.д.), в то время как «нормативная роль АСЕАН более стимулирующая и инклюзивная» за счёт того, что эта региональная группировка образована «относительно слабыми развивающимися государствами»¹⁴. В отличие от ЕС, в институциональных практиках АСЕАН отсутствует элемент принуждения, который бы позволял ей напрямую влиять на внутреннюю политику государств-членов и контрагентов. Напротив, политический инструментарий, применяемый АСЕАН для продвижения своих норм вовне, содержит «кумулятивный диалог и общественные (пере)обсуждения, предполагающие приспособление договаривающихся сторон друг

¹³ European Neighbourhood Policy, 06.12.2016. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/overview_en

¹⁴ He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.

к другу»¹⁵. Отсюда следует, что асеановский регионализм (и межрегионализм) является не «интрузивным», а «инклюзивным» (терминология Хэ Цзяцзе). Это означает, что АСЕАН принципиально не вмешивается во внутренние дела своих членов и партнёров по диалогу.

Диалоговые партнёрства АСЕАН можно разделить на две большие категории: (1) сотрудничество с внерегиональными державами – Китаем, Индией, Японией, Австралией, США, Россией и др.; и (2) сотрудничество с региональными организациями и группировками, состоящими из европейских, лагиноамериканских, азиатских и африканских стран. Партнёрства первого типа можно назвать «субъектно-объектными», а партнёрства второго типа – «субъектно-субъектными». Первые являются асимметричными в силу несопоставимого международно-политического веса стран-участниц, тогда как вторые являются равноправными (хотя и те, и другие принято считать взаимовыгодными). Исторически, «субъектно-объектные» отношения доминировали в структуре международного партнёрства АСЕАН, тогда как «субъектно-субъектные» отношения появились в асеановской повестке дня лишь с начала 1990-х годов. Однако в настоящее время именно отношения второго типа составляют доминирующий элемент в системе многосторонних договорённостей АСЕАН.

«Субъектно-объектные» отношения характеризуются неравномерным распределением мощи между членами диады, что обусловило складывание особого вида сотрудничества. Долгое время АСЕАН, состоящая из малых и средних государств – бывших европейских колоний, воспринималась её более мощными партнёрами по диалогу как простой «объект» в их геополитической игре. Однако со временем АСЕАН сумела предложить им такую модель взаимодействия, которая позволила ей играть центральную роль в формировании и трансформации региональной системы

международных отношений. По словам сингапурского исследователя Тан Сисена, концепция «асеаноцентричности» (*the ASEAN centrality*) «помогает создать стратегическое пространство для группы относительно слабых стран, что позволяет им расширить границы того, на что иначе они вряд ли были бы способны»¹⁶. Данная концепция была положительно встречена внерегиональными державами, поскольку обеспечивала нейтралитет Ассоциации и её равноудалённость от своих партнёров. Таким образом, никто из них не мог получить решающего преимущества в регионе.

Классическим примером «субъектно-объектных» отношений является система диалоговых партнёрств АСЕАН, зародившаяся в середине 70-х годов прошлого века. Она основана на механизме асеановских консультаций с внерегиональными державами в формате «АСЕАН+1». Эти консультации обычно проводятся после ежегодных совещаний министров иностранных дел Ассоциации, на которых асеановцы вырабатывают согласованную позицию по тем вопросам, которые они будут обсуждать со своими партнёрами по диалогу, поэтому они получили название «постминистерских конференций». Опыт такого рода совещаний постепенно эволюционировал в институционализированную практику регулярных встреч на высшем уровне в формате «АСЕАН+3» (Китай, Япония, Южная Корея), «АСЕАН+2» (Австралия, Новая Зеландия) и «АСЕАН+1» (отдельные государства-партнёры в своём персональном качестве), которые составляют основу современной системы диалоговых партнёрств АСЕАН.

Принцип «асеаноцентричности», благодаря которому эта система была успешно реализована, предусматривает согласие внерегиональных держав следовать нормам и принципам, предлагаемым АСЕАН. Даже в тех случаях, когда имеет место явный конфликт интересов, АСЕАН продолжает пытаться установить кодекс поведения, который бы предотвратил открытую кон-

¹⁵ Ba, Alice. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009. P. 8.

¹⁶ Tan, See Seng. Rethinking “ASEAN Centrality” in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3, p. 735.

фронтацию сторон. Классический пример асеановского подхода к урегулированию конфликтов даёт нам ситуация в Южно-Китайском море, где сталкиваются интересы Вьетнама, Филиппин, Брунея, Малайзии, а также Китая и Тайваня. Несмотря на взаимные территориальные претензии, странам АСЕАН удалось сформулировать общий подход в отношении их главного оппонента – Китая, которого они рассматривают как общую угрозу безопасности. Так, АСЕАН смогла продемонстрировать своё единство и стойкость по отношению к своему непростому партнёру, которому пришлось формально признать установленные ими правила игры, подписав «Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море» (2002) и согласившись и далее вести переговоры по данному вопросу.

«Субъектно-субъектные» отношения позволили АСЕАН установить равноправное сотрудничество с другими региональными группами. В данном случае, она выступает в качестве международной организации, которая пропагандирует свои нормы и ценности, распространяя их на партнёрские институты. Вместо «формальных переговоров с чёткими и операциональными критериями, установленными в рамках системы, основанной на верховенстве закона», АСЕАН предлагает парадигму неформальных консультаций с необязывающими правилами, принятыми на основе консенсуса. Если сравнивать «путь АСЕАН» с западным либеральным подходом, то нужно признать, что он «представляет собой всё более притягательную и весомую альтернативу для других государств, особенно для стран глобального Юга»¹⁷. Обсуждая со своими партнёрами проблемы межрегионального и глобального значения, АСЕАН стремится найти согласованное решение, устраивающее все договаривающиеся стороны. Такого рода сотрудничество укрепляет международные позиции АСЕАН, давая ей потенциальную возможность участвовать в процессах глобального управления.

Иллюстрацией «субъектно-субъектных» отношений могут послужить взаимодействия

¹⁷ Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to “Global” Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4, p. 452.

АСЕАН с другими региональными группировками: Европейским Союзом (ЕС), Организацией экономического сотрудничества (ОЭС), Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Сообществом развития Юга Африки (САДК), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) и т.д. В числе других примеров межрегионального сотрудничества с участием АСЕАН можно назвать Форум «Азия-Европа» (АСЕМ), Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА). Эти переговорные площадки интересны тем, что они были созданы по инициативе АСЕАН, и их уставные документы несут на себе значительный отпечаток асеановской идеологии.

Так, в финальном заявлении председателя первого саммита АСЕМ, прошедшего в Бангкоке (Таиланд) в 1996 году, отмечается, что «диалог между странами-участницами следует осуществлять на основе взаимоуважения, равенства, соблюдения фундаментальных прав и, в соответствии с требованиями международного права и международных обязательств, на основе отказа от вмешательства (скрытого или явного) во внутренние дела друг друга»¹⁸. Те же фундаментальные принципы: «взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; равенство, взаимная выгода и общие цели развития; уважение уникальной культуры и социальных ценностей друг друга; и принятие решений методом консенсуса» – были включены в рамочный документ, подписанный министрами иностранных дел ВАЗЛАФ на инаугурационной встрече, состоявшейся в Сантьяго (Чили) в 2001 году¹⁹. Год спустя, они вновь прозвучали на совещании министров иностранных дел восемнад-

¹⁸ New Comprehensive Asia-Europe Partnership for Greater Growth: Final Chair Statement of the 1st ASEM Summit, 1996. Bangkok. Mode of access: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1996%20-%20ASEM1%20-%20Chair%20Statement.pdf>

¹⁹ Framework for a Forum for Dialogue and Cooperation between East Asia and Latin America. Santiago, Chile, 30 March 2001. Mode of access: http://www.fealac.org/File_download.jsp?Type=OFFICE&AttachFileIdx=50

цати азиатских стран, собравшихся в Чаапе (Таиланд) на первую встречу в формате ДСА.

Таким образом, можно утверждать, что АСЕАН, как и ЕС, активно продвигает свои нормы и ценности вовне, распространяя их на те государства и региональные объединения, с которыми у неё установлены партнёрские отношения. Однако, вместо формальных переговоров с чёткими критериями, опирающимися на зафиксированные ранее договорённости, АСЕАН проводит неформальные консультации, нацеленные на поиски компромисса, с обязательствами, которые взяты на себя сторонами добровольно и не имеют юридической силы. Такая модель ведения переговоров кажется справедливой и привлекательной многим развивающимся странам, особенно странам глобального Юга. Всё это позволяет рассматривать АСЕАН как «нормативную силу», альтернативную ЕС.

* * *

Подводя итоги, подчеркнём ещё раз самые существенные тезисы нашей аргументации.

Как мы уже говорили, понятие «нормативной силы», изначально относившееся к Евросоюзу, подразумевает способность государства или группы государств распространять свои ценности по всему миру. Само представление о Европе как источнике общемировых ценностей восходит к колониальным временам, когда цивилизаторская миссия белого человека по отношению к аборигенным народам Азии, Африки, Америки, Австралии не подвергалась сомнению, а европейские по своему происхождению ценности насильственно насаждались на чужеродную почву. Деколонизация открыла новую страницу в истории человечества, предоставив аборигенным народам равный статус с их бывшими хозяевами. Результатом её стал бурный рост «постколониальных исследований», которые разрушили миф о европейском превосходстве. Однако сама идея о том, что Европа является культурным и политическим центром, пережила эти политические пертурбации, трансформировавшись в политкорректную форму «глобального нормативного лидерства».

Тем не менее, универсальность европейских норм и ценностей оспаривалась многими незападными интеллектуалами, включая многочисленных представителей политического истеблишмента стран Юго-Восточной Азии (Ли Куан Ю, Махатхир Мохамад и др.). Предложенная ими в конце 1980-х – начале 1990-х годов концепция «азиатских ценностей» справедливо рассматривалась как региональный ответ на распространение либерально-демократических ценностей, которое ассоциировалось с «культурным гегемонизмом» Запада. Однако, чтобы стать «нормативной силой», АСЕАН необходимо было не просто выработать определённый набор норм и принципов, но и применить соответствующие дипломатические инструменты, чтобы распространить свои ценности по всему миру и обеспечить их признание как в своих странах, так и за пределами региона. Не вдаваясь в подробности, скажем, что эта задача была выполнена довольно успешно (АСЕМ, ВАСЛАФ, ДСА и др.).

Вместе с тем, нужно понимать, что «азиатские ценности» априори не могут претендовать на универсальность, поскольку отражают региональный взгляд на права человека. Когда речь заходит о признании «азиатских ценностей», потенциал АСЕАН как источника международных норм ограничивается узким кругом развивающихся стран, отрицающих западный универсализм и стремящихся найти своё место в мировой политике. Тем не менее, не следует недооценивать нормативную роль АСЕАН как идеологической альтернативы Евросоюзу, поскольку она довольно существенна и, безусловно, заслуживает отдельного исследования.

Литература:

- Ефремова К.А.* Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. с. 39-53.
- Ba, Alice.* (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- He, Jiajie.* Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.
- Hoon, Chang Yau.* Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2.

Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009.

Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to "Global" Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4.

Tan, See Seng. Rethinking "ASEAN Centrality" in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3.

References:

Ba, Alice. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations, Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.

Efremova, K.A. Gosudarstva Yugo-Vostochnoy Azii v poiskakh regional'noy identichnosti (Southeast Asian States

in Search of Regional Identity) // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2018, No. 4, pp. 39-53.

He, Jiajie. Normative Power in the EU and ASEAN: Why they Diverge // *International Studies Review*, 2016, No. 1, pp. 96-99.

Hoon, Chang Yau. Revisiting the Asian Values Argument Used by Asian Political Leaders and Its Validity // *Indonesian Quarterly*, 2004, No. 2.

Manners, Ian J. The EU's Normative Power in Changing World Politics. DIIS Brief. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2009.

Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, No. 2, pp. 235-258.

Stubbs, Richard. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to "Global" Governance // *Pacific Review*, 2008, No. 4.

Tan, See Seng. Rethinking "ASEAN Centrality" in the Regional Governance of East Asia // *The Singapore Economic Review*, 2017, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

"NORMATIVE POWER" OF ASEAN: A SUBJECT FOR DISCUSSION

Ksenia A. Efremova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 18.10.2018</p> <p><i>Received:</i> 19.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 01.12.2019</p>	<p>Abstract: The notion of "normative power", authored by Ian J. Manners, is usually applied to the European Union (EU). It describes the ability to impose one's norms and values over other states, shaping the conventional understanding of what is "normal" in international relations. However, this notion is not exclusive to the EU: this article argues that the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is another regional grouping that tries to disseminate its norms and values worldwide, thus transforming itself into a nascent "normative power". ASEAN promotes the so-called "Asian values" (collectivism, state paternalism, cultural relativism, non-intervention into each other's domestic affairs, etc.) through interregional arrangements with other states and international groupings, as well as through multilateral forums where it plays the central role. However, the concept of "Asian values" evokes much criticism that makes the transformation of ASEAN into a "normative power" highly questionable.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: efremova@mgimo.ru</p>	
<p>Key words: ASEAN; Asian values; normative power; human rights</p>	

Для цитирования: Ефремова К.А. АСЕАН как «нормативная сила»: предметное поле дискуссии // *Сравнительная политика*. – 2019. № 4 – С. 97-107.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044

For citation: Efremova, Ksenia A. ASEAN как «normativnaya sila»: predmetnoye pole diskussii ("Normative Power" of ASEAN: a Subject for Discussion) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 97-107.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10044